

КОГО ОСЧАСТЛИВИТ «НЕВИДИМАЯ РУКА» РЫНКА

Сегодня Совет Федерации рассмотрит пакет энергетических законопроектов, принятых на прошлой неделе Государственной Думой. Между тем, среди специалистов не утихают споры. Не так давно в «РГ» выступил советник Президента по экономике Андрей Илларионов, который подверг критике проект энергетических реформ. Его статья вызвала противоречивые отклики читателей.

«ЗА»

Владимир Накоряков
АКАДЕМИК РАН
НОВОСИБИРСК

Уже несколько лет в СМИ, в Госдуме и в Правительстве обсуждают проект реструктуризации российской энергетики. За это время можно было взвесить различные позиции, просчитать все возможные последствия от осуществления проекта. Однако большинство участников дискуссии, особенно правящие политики, словно загипнотизированы привлекательными обещаниями.

ЭФФЕКТ МАСШТАБА

Авторы концепции уверяют, что при дальнейшем раздроблении энергосистемы, пока еще находящейся под относительным контролем государства, возникнет множество частных фирм и компаний, которые начнут конкурировать. От этого якобы выиграют все – и промышленность, и население, потому что конкурирующие фирмы привлекут инвестиции в деградирующую отрасль.

Все те же наивные надежды на «невидимую руку» рынка, которая сама, без государственного вмешательства все в стране урегулирует и всех осчастливит!

Реформаторы утверждают: следует рассматривать проект реструктуризации энергосистемы с «чисто экономических» позиций. Но в этом случае проект не выдерживает никакой критики. Стоит только сопоставить его с азами экономики и без идеологической предвзятости оценить отдельные моменты нашего прошлого и настоящего.

Сторонники реформ, ратующие за торжество «совершенной» конкуренции во всех отраслях, утверждают: электроэнергия – такой же коммерческий продукт, как и любой другой товар. Позволю себе с этим не согласиться. Электроэнергию нельзя считать коммерческим товаром по четырем главным причинам.

Во-первых, необходимое свойство рыночного товара – это разнообразие и разница в качестве. Не бывает электроэнергии высшего и низшего сорта. Электроэнергия или есть, или ее нет, ее параметры (частота, напряжение) стандартны. Стало быть, энергетические компании изначально не могут конкурировать на рынке, используя разнообразие и разное качество продукции, как может происходить, к примеру, в автомобильной промышленности, где выпускают автомашины разных размеров, с разными двигателями и с разным дизайном.

Электроэнергия не рыночный товар и потому, что ее нельзя запастись. К примеру, в автомобилестроении при ухудшении конъюнктуры, при уменьшении спроса образуется запас автомобилей. Его распродают, когда спрос снова повышается. И нефть при понижении спроса стараются придержать, накопить запас, а в благоприятной ситуации – продать. Электроэнергетика не может запастись, накапливать впрок свою продукцию – электроэнергию.

Главное – электроэнергию нечем заменить, Рыночные же продукты взаимозаменяемы (это азбука экономики) – например, мясо при его чрезмерном удорожании можно заменить картофелем или соей. Без мяса можно обойтись, если оно даже совсем исчезнет с рынка. Электроэнергия незаменима ничем.

Электроэнергия не рыночный товар, потому что в любой стране цены на нее не устанавливаются самопроизвольно. Тарифы – цены на нее устанавливаются всегда при участии государства.

На этом можно было бы поставить точку, если бы частичная коммерциализация электроэнергетики уже не была бы проведена при организации РАО «ЕЭС России».

Что можно сказать о наследии, которое досталось российским реформаторам-радикалам? Электроэнергетика СССР динамично развивалась даже во время пресловутого застоя. В 1985 году суммарная мощность всех российских электростанций составляла 315,1 млн. кВт. Протяженность электросетей постоянно увеличивалась. Вводившиеся крупные энергоблоки полностью соответствовали мировому техническому уровню. Без преувеличения можно сказать: энергетика Советского Союза находилась в отличном состоянии. В этой отрасли никому не удастся по привычке свалить все беды на коммунистов.

Была ли какая-то необходимость в реструктуризациях, в разукрупнении единой системы энерготеплообеспечения страны и создании полугосударственного, полуакционерного гибрида – РАО «ЕЭС России»? Глубоко убежден, что такой необходимости не было.

По всем признакам производство электроэнергии и тепла так же, как телефонная и железнодорожная связь, относятся к естественным монополиям. Словосочетание «естественная монополия» у всех на слуху, но далеко не все знают, что это такое. По классической трактовке естественная монополия – это отрасль, в которой можно получить очень высокий эффект экономии от масштаба. Что это значит? Увеличение мощности и размеров энергетического хозяйства сопровождается экономией, уменьшением затрат за счет унификации проектов, конструкций и самого производства. Ведь изготовление пятидесяти типовых энергоблоков в несколько раз дешевле, чем изготовление каждого

энергоблока по отдельному проекту.

Такой эффект масштаба существенно снизился при разукрупнении энергосистемы, при выделении независимо развивающихся региональных энергопроизводящих структур.

ЗАПАДНАЯ АЛЬТЕРНАТИВА

«Реструктуризаторы» российской энергетики уверяют, будто пытаются перенести в нашу страну самый передовой зарубежный опыт. Однако учитывают ли они историческую, национальную специфику? В нашей стране энергетика создавалась с 20-х годов заново, как единое целое. Энергосистема, как и железнодорожная сеть, скрепляла целостность страны. Скрепляла подобно каркасу или «несущей конструкции». А энергетика Запада до 70-х годов укрупнялась, «собиралась» из отдельных компонентов. И сравнивая энергохозяйства стран Запада, США и России, нельзя забывать о разной логике их развития. Конечно, в зарубежном опыте немало поучительного. Но заимствовать нужно то, что подходит всей России, а не только радикалам-реформаторам.

Сторонники проекта реструктуризации ссылаются на пример Англии и скандинавских стран, где действуют конкурентные рынки электроэнергии. И обещают создать в России столь же успешный рынок с «автономными» электросетями и независимым оператором, получающим от потребителей заявки на электроэнергию и разрабатывающим единый график электрической нагрузки. Как это часто у нас бывает, сравнивается несравнимое. Масштабы Англии и скандинавских стран несопоставимы с российскими, плотность электросетей – тоже. К тому же там энергетические мощности в прекрасном состоянии, электроэнергетика полностью загружена, действует четко, и все издержки сведены к минимуму. В этих странах не разрушен здоровый баланс спроса и предложения. Перечисленного достаточно, чтобы понять: России пытаются навязать механизмы и схемы, которые опробованы, действуют совсем в других условиях.

А во Франции вся энергетика – в руках у государства, тут естественная монополия стала государственной собственностью. Во многих странах Запада энергетику вместе с телефонной связью, почтовыми услугами и канализацией относят к сфере коммунального, то есть общественного обслуживания, вторая так или иначе управляется, регулируется государством. Во всяком случае цены на электроэнергию устанавливают с участием государства. Государство не позволяет монополистам-производителям диктовать свои условия населению, стране.

Не надо закрывать глаза на то, что в прошлом наша страна спешно использовала преимущества естественной монополии. Единая энергосистема была экономной, в ней действовали однородное оборудование и однородная технология. Проводилась общая экономическая и техническая политика. Пока энергосистема оставалась полностью государственной, проще было поддерживать состояние локальных энергосистем на хорошем уровне. Тогда отечественным энергетикам были по силам программы и стройки такого уникального масштаба, как Экибастузский и Канско-Ачинский комплексы.

В начале 90-х годов отечественная энергетика стала быстро терять свои преимущества. Не пошли ей на пользу ни начатая в 1992-1993 годах децентрализация, ни акционирование вкуче с приватизацией. За десятилетие шоковых реформ энергетика вовсе не обновилась, а порядком поизносилась. Никаких заметных «плюсов» не принес и федеральный оптовый рынок. А государственное влияние на энергетику слабело и свелось, в основном, к сохраняющемуся до сих пор государственному регулированию тарифов на электроэнергию и тепло (на федеральном и региональных уровнях). Меры о коммерциализации энергетики многие специалисты, ученые называли неконструктивными, нелогичными. Возникший в энергетике полугосударственный гибрид по многим причинам не мог работать бесперебойно.

Хотя промышленное производство в 90-е годы сокращалось, расходы топлива, потери тока в электросетях и другие издержки в энергетике росли. Износ основного оборудования достиг 30-40 процентов, а КПД российских электростанций теперь – на 10-15 процентов меньше, чем в других странах. Около половины наших энергетических предприятий работают на газовом топливе, но в стране до сих пор нет мощностей для сжигания газа (значит, невозможно создавать и запасы газа, необходимые для устойчивости, стабильности энергетики).

ЦЕНТРОБЕЖНАЯ СИЛА

Не случайно именно сейчас начало болезненно сказываться исторически сложившееся неравномерное распределение энергетических мощностей в разных регионах. Скажем, в Красноярском крае есть ГЭС и относительно новое оборудование, а в Приморском крае топливную базу энергетики никогда не развивали, хотя тут мощные природные ресурсы. Энергетика – отрасль инерционная, и невозможно быстро исправить ситуацию, смягчить контрасты и выровнять положение во всех регионах. При единой, полностью государственной или контролируемой государством энергосистеме регионы и предприятия, которым не хватало электроэнергии, могли взять ее взаймы в любом месте. А в децентрализованной системе участились серьезные сбои, которые уже обернулись трагическими последствиями в Приморском крае и в некоторых других регионах, где в зимние холода поселки и города надолго лишались тепла и света.

Что произойдет при дальнейшем раздроблении и коммерциализации энергосистемы, при полном осуществлении реструктуризации? Снова умножится бюрократизация и неразбериха. Автоматически сработает известный с начала XX века принцип Парето. Согласно Парето, в «совершенной», рыночной экономике благополучные в любом случае сохраняют свои преимущества. А выравнивание положения всех остальных возможно лишь при вмешательстве государства. Но ведь авторы проекта реструктуризации добиваются полного устранения государственного влияния на энергетику!

Может ли возникнуть здоровый рынок с цивилизованной конкуренцией в отечественной энергетике при ее нынешнем состоянии? Здоровый рынок – это рынок организаций, имеющих равные технические возможности и сво

бодный доступ к финансовым ресурсам, соревнующихся в производстве продукции разного качества и в сокращении издержек. Возможно ли нечто подобное при упомянутом выше энергетическом неравновесии регионов, при исходной неравноценности предприятий? Большинство мелких энергетических компаний быстро разорится и распадется, у них не будет никаких надежд ни на банковские кредиты (особенно при нынешних высоких процентных ставках), ни на инвестиции. Инвестиции могут получить лишь крупные компании, которые предполагается сделать федеральными. И компании в регионах с дешевой электроэнергией (например, в Красноярском крае). Они станут новыми монополистами, которые выйдут из-под контроля государства и будут диктовать свою волю, навязывать кабальные условия предприятиям и регионам бедным электроэнергией. Разумеется, нелепо при всем этом ожидать «автоматического» снижения тарифов, обещанного Чубайсом. Энергетика нам и сейчас слишком дорого обходится, а после окончания реструктуризации будет стоить стране еще дороже. Обострение неравенства предприятий, регионов и социальных групп, усиление расслоения в обществе заставит нас решать множество дополнительных проблем, которые мы пока не понимаем и которые относятся к области неопределенного риска.

Я убежден: нужно не допускать дальнейшего дробления РАО «ЕЭС России», сохранить энергетическую систему под государственным контролем. Продумать государственные меры, которые бы уменьшили чрезмерное бремя энергетических платежей, сдерживающих развитие всех предприятий. Энергетические тарифы подстегивают инфляцию, их доля в цене товаров чрезмерно высока (15-20 процентов) и продолжает расти. При резком повышении тарифов на электроэнергию частный потребитель нищает, а производственники начинают изобретать самозащиту – множество собственных маленьких и неэффективных установок, вырабатывающих электричество. Курс на повышение энергетических тарифов, который осуществляется в России уже десятилетие, принес кризис неплатежей, не раз угрожавший парализовать всю экономику (в 1991 году я предупреждал правительство о такой опасности в своей официальной записке).

Рост тарифов навязан стране нефтяными и газовыми компаниями, желавшими получать высокие прибыли от продажи нефти и газа не только за рубежом, но и в своей стране. Думаю, нужно решительно отказаться от политики доведения энергетических тарифов до так называемого мирового, международного уровня (хотя бы потому, что соотношение цен и доходов у большинства российского населения далеко от мирового уровня). Безусловно, внутрироссийские тарифы на газ, уголь, на все виды топлива и на электроэнергию должны быть намного меньше международных. Этим государство окажет неинфляционную помощь и промышленникам, и угольщикам, и энергетикам. Поможет всем в короткий срок ликвидировать долги.

При реструктуризации «по Чубайсу» в стране сложится просто патологическая ситуация. Вообразим, что в человеческом организме сердце начало снабжать кровью одни органы и «отключать» другие. Ясно, что такой организм болен, обречен. Столь же абсурдна реструктуризация, при которой жизненно важная энергосистема станет полностью независимой от государства, от страны. Чрезвычайные ситуации, подобные случившимся в Приморском крае, пожаром распространятся по многим регионам и приобретут характер общенационального бедствия. Сил МЧС на всех не хватит. И такой сценарий нетрудно предвидеть.

ТАРИФЫ НЕ УДЕРЖАТЬ НИ С РЕФОРМОЙ, НИ БЕЗ НЕЕ

«ПРОТИВ»

Алексей Макаров

ДИРЕКТОР ИНСТИТУТА

ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ,

ЧЛЕН-КОРРЕСПОНДЕНТ РАН

СОВЕТНИК Президента Андрей Илларионов, выступая на страницах «РГ», утверждал, что в стране существует избыток генерирующих мощностей, следовательно, инвестировать нужно не в электростанции, а в сетевое хозяйство. Как профессионал не могу до конца согласиться с этим высказыванием уважаемого экономиста. Да и со многими другими его утверждениями тоже.

Вопросами реформирования российской электроэнергетики наш институт занимался с 1996 года, когда под эгидой Минэкономики был разработан план перехода на конкурентный рынок в отрасли. Мы преследовали при этом ту же простую цель, что и все страны, осуществлявшие реформу, – повышение экономической эффективности электроэнергетики. Уже тогда появилось явное понимание того, что отечественная электроэнергетика «стареет», что технологически она все больше отстает от коллег из ведущих мировых энергетических держав. А большой удельный расход топлива, крайне высокие эксплуатационные затраты означают, что огромные средства расходуются впустую.

Наш план реформирования лег в основу Указа Президента 1997 года, однако тогда дело так и не сдвинулось с мертвой точки. Тем временем после дефолта 1998 года Правительство пошло по пути сдерживания тарифов естественных монополий. Стало ясно, что при существующей системе регулирования отрасли она не сможет самостоятельно финансировать свое развитие. По нашим расчетам, это означает, что к 2007–2008 годам в России возникнет дефицит генерирующих мощностей, страна реально встанет перед угрозой энергетического кризиса. Необходимо привлечение внешних инвестиций. А сделать это можно, только создав в электроэнергетике конкурентную среду.

Мы исходим из того, что электроэнергетика – это, с одной стороны, бизнес, а с другой – важнейший элемент жизнеобеспечения общества. То есть это – сфера государственных интересов, отвечающая за энергетическую безопасность страны. В этом «кентавре» обе половины важны, и ни одна не должна подавлять другую. В процессе рефор

мы государственное регулирование энергетики должно уменьшаться и концентрироваться на узловой системообразующей части отрасли. Влияние государства должно сохраниться там, где решаются вопросы текущей надежности электроснабжения. Это, во-первых, магистральные электрические сети, причем вовсе не обязательно доводить долю государства в сетевом хозяйстве до 100 процентов. Во-вторых, это диспетчерское управление – мозг системы. И, наконец, гидроэнергетика. ГЭС являются регуляторами, обеспечивающими текущую надежность электроснабжения. Кроме того, ГЭС у нас строились не только как объекты электроэнергетики, а как комплексные народнохозяйственные объекты, решающие проблемы судоходства, мелиорации и т.д.

Сейчас в ходе совершенствования правительственного пакета законопроектов он все больше приближается к тому плану реформ, который мы разработали в 1996-1997 гг. В законопроекте записано, что за устойчивость будущего развития электроэнергетики должно отвечать государство. Оно не может переложить на частных инвесторов бремя ответственности за выбор стратегических направлений развития энергетики. Скажем, уже сейчас государство должно задуматься над тем, что энергетическим предприятиям страны пора слезать с «газовой иглы». Инвесторы охотно будут вкладывать деньги в газовую генерацию, сделав несложные расчеты: сегодня природный газ – самое дешевое топливо, к тому же оборудование для газовых электростанций дешевле любого другого. Очевидно, что бизнес неизбежно выберет газ. Но государство-то должно учитывать, что запасы его ограничены, и стратегическая задача – обеспечить постепенный переход от газовой генерации к угольной, развитие гидроэнергетики и генерации на основе нетрадиционных источников энергии. Иначе оно не решит свою главную задачу – обеспечение энергетической безопасности.

Теперь перейдем к тому, каким именно образом государство должно осуществлять свое влияние на энергетику. Речь идет не о том, чтобы государство сконцентрировало в своих руках все рычаги управления отраслью – это безумие, в таком случае никакого бизнеса здесь и в помине не будет. Но государство должно научиться эффективно управлять теми компонентами, которые останутся в его ведении, – сетями, диспетчерской службой и гидрогенерацией. Мы предлагаем создать стабилизационный фонд, который бы, с одной стороны, стимулировал и финансировал проекты, которые государство считает соответствующими требованиям энергетической безопасности, а с другой стороны, на первых порах выступал гарантом эффективности частных инвестиционных проектов. Я считаю, что это важнейшие составляющие реформы, которые в правительственной программе не проработаны всерьез. Но мы к этому все равно придем, раньше или позже, но лучше бы, конечно, раньше.

Электрические связи между регионами страны сейчас недостаточно сильны. Единая система не замкнута на участке между Сибирью и Уралом, Урал слабо связан с Поволжьем, не говоря уже про фактически изолированный от РАО «ЕЭС России» Дальний Восток. Для нормального развития конкурентного рынка мы, безусловно, должны развивать сетевое хозяйство. Но сетевая компонента в электроэнергетике на порядок меньше, чем генерирующая. Строительство сетей не настолько политизированный процесс, как строительство электростанций, его финансирование не так сильно сказывается на тарифах.

Что касается генерирующих мощностей, то, по нашим расчетам, к концу нынешнего десятилетия Россия исчерпает тот резерв, который пока существует. На самом деле электроэнергетика всегда должна иметь резерв генерации для обеспечения устойчивости энергосистемы страны. Мы еще в 1996–1997 годах указывали на необходимость серьезного наращивания генерирующих мощностей. По нашим тогдашним прогнозам, резерв генерации мог быть исчерпан уже в 2004–2005 годах, однако спад промышленного производства, продолжавшийся почти до конца 90-х годов, отодвинул этот срок. Но проблема не решена.

Да, в советские времена каждый процент роста ВВП сопровождался однопроцентным ростом электропотребления. Но к концу 90-х годов эти соотношения начали меняться. В 1999-2000 годах электропотребление увеличилось на 0,5 процента, в 2001-м – на 0,23 процента, а в 2002 году на каждый процент роста ВВП приходилось всего 0,05 процента роста электропотребления. Что произошло? В 90-х электроэнергия была почти бесплатным продуктом. Дешевым по официальной цене и еще более дешевым из-за того, что практически у всех потребителей была возможность за него не платить. В последние годы электроэнергия стала пусть по-прежнему дешевым, но оплачиваемым продуктом. Потребители стали экономить, чтобы не платить лишнего. Это говорит о том, насколько расточительно страна использовала электроэнергию всего лишь несколькими годами раньше.

Жесткая политика в отношении потребителей, наведение порядка в платежах позволили создать условия для проведения стратегических реформ. Когда мы разрабатывали реформу в 1996–1997 годах, мы понимали, что проводить ее в условиях бартера, зачетов и неплатежей просто невозможно. Теперь ситуация резко поменялась, есть условия, чтобы вступить в фазу реформирования.

Потребители задумались над вопросами энергосбережения. В масштабах страны это позволило отодвинуть сроки массового выбытия энергоустановок с 2007-2008 годам. Но это не означает, что у нас есть время на передышку. Для перспективного развития отрасли это смешные сроки, ведь цикл строительства электростанций – минимум четыре года. Значит, надо приступать уже сейчас. Для этого нужно иметь законодательную базу для развития энергетики. Необходимо ускорить принятие законопроектов, определяющих реформу отрасли.

Безусловно, демократическое обсуждение реформы энергетики необходимо. Но то, что происходит сейчас вокруг правительственного пакета законов, – это зачастую не столкновение доводов и аргументов, а столкновение интересов. Затягивание этого процесса может привести к тяжелым последствиям. Время поджимает, и нельзя отвлекаться на дискуссии, что важнее: качество реформы или ее темпы. Нужно делать все качественно и быстро. Тот, кто утверждает обратное, наверное, просто не до конца представляет себе реальное положение дел в сегодняшней энергетике.

Я не говорю уже о старении производственных фондов энергетики. Эта проблема реально существует, и ее

пытаются преодолеть единственным возможным в таких условиях способом – латанием «дыр». Это очень рискованное и очень затратное мероприятие: если правильно вести диагностику, следить за оборудованием и тратить втрое, впятеро больше средств на ремонт, чем это положено, держать огромные ремонтные штаты, то, по нашим расчетам, можно продлить срок эксплуатации оборудования лет на 10. Но рано или поздно такое «латание» оборачивается трагедиями, ведь речь идет о продлении сроков службы не просто морально устаревшего, но и физически изношенного оборудования.

У меня нет сомнений в правильности принципиальных вещей, заложенных в правительственном пакете законопроектов. Например, горизонтального разделения по видам бизнеса и развития в отдельных секторах электроэнергетики конкурентной среды. Есть мнение, что нужно непременно сохранить вертикально интегрированные энергокомпании. Якобы только на них может держаться надежное энергоснабжение потребителей. Фактически нас призывают к сохранению региональных АО-энерго в их нынешнем виде, считая, что между ними возможна какая-то конкуренция.

На самом деле такие варианты реформы мы просчитывали и сочли их неприемлемыми. В стране существует чуть больше десятка избыточных энергосистем. Между ними невозможна эффективная конкуренция, потому что они сами по себе – локальные монополии. Конечно, они могут конкурировать между собой, но при максимально высоких ценах. Потребителю не будет никакой выгоды от подобной «конкуренции». Уже сейчас крупные вертикальные энергокомпании, например «Мосэнерго», всячески противятся созданию на их территории независимых генерирующих мощностей, даже незначительных по меркам монополиста. Если сохранить их как монополистов, вряд ли они будут лояльнее в условиях рынка.

До тех пор, пока станции, которые сейчас входят в структуру региональных АО-энерго, не выйдут на рынок самостоятельно, до тех пор, пока независимым производителям электроэнергии не будет обеспечен доступ к сетям, реальной конкуренции и связанных с ней преимуществ мы не получим. А в условиях сохранения вертикально интегрированных региональных компаний ни то, ни другое невозможно.

Некоторые публичные деятели любят подчеркивать, что в России уже сейчас тарифы на энергию завышены. Между тем расчеты показывают, что внутренние цены на электроэнергию и газ в России недопустимо низкие. Безусловно, у естественных монополий существуют резервы снижения эксплуатационных издержек, что могло бы повлиять на тарифы в сторону уменьшения, но вовсе не это определяет, какой должна быть оптимальная цена на электроэнергию. В соответствии с мировой практикой, если в тариф не включена инвестиционная составляющая в размере не менее 1,2-1,6 цента на кВтч, такая энергокомпания непривлекательна для инвесторов. Их вложения не окупятся. Для того чтобы вложения в российскую энергетику были окупаемы, необходимо, чтобы тарифы были не ниже 2,8 цента.

Нельзя отказываться от необходимых реформ, опасаясь повышения тарифов. С реформой или без реформы, тарифы все равно будут расти, потому что растут цены на топливо. Но освободив цены от жесткого государственного регулирования, мы получим еще и инвесторов, которые будут вкладывать деньги в строительство новых электростанций. Сейчас цены растут, а инвесторов нет.

Приходится слышать мнение, что государство, ограничивая рост тарифов, заставит монополии снижать издержки. Могу ответить: государство уже продемонстрировало свои возможности по регулированию электроэнергетики и газа, обрекая эти отрасли на кризис в конце десятилетия. Если продолжать «зажимать» тарифы, через несколько лет мы получим неконтролируемые веерные отключения. Не надо обманывать потребителей: цены на электроэнергию в процессе реформирования вырастут, но альтернатива этому – энергетический кризис.

Утверждают, что рост цен на электроэнергию серьезно затормозит экономическое развитие страны, чуть ли не убьет отечественную промышленность. Мы просчитывали, на сколько поднимутся цены, и как это скажется на экономике в целом на каждой отрасли промышленности, особенно на энергоемких отраслях, и как это скажется на населении.

Было смоделировано два варианта развития событий. Первый: сохранится нынешняя политика сдерживания тарифов в электроэнергетике, и будет действовать наметившаяся в последние годы тенденция роста цен примерно на 5-7 процентов быстрее инфляции. В этом случае до 2007 года реализуется составленный Минэкономразвития благоприятный сценарий развития экономики – рост 5,5 процента в год. Но затем начнется обвальный спад, который прекратится только после того, как цены в энергетике начнут повышаться до уровня, достаточного для привлечения инвестиций. Этот спад произойдет, с одной стороны, из-за кризиса в электроэнергетике, с другой стороны, из-за резкого снижения экспорта газа, то есть платежный баланс страны будет деформирован в условиях выплаты больших долгов. Второй вариант: конкурентная среда в электроэнергетике обуславливает такую динамику цен, при которой отрасль имеет возможность привлечь инвестиции. Да, это действительно несколько сдерживает экономику: мы теряем в темпах роста 0,5-0,7 процента ежегодно, но этот рост стабилен, он продолжается до 2010 года и далее. Помимо этого мы стимулируем энергосбережение, мы начинаем трансформировать экономику в сторону увеличения доли обрабатывающих отраслей, то есть реформирование электроэнергетики инициирует благоприятные процессы во всей экономике. Надежда на то, что удастся как-то иначе решить проблему, увы, не имеет под собой оснований.